

М.Ю. Барбашин

ИНСТИТУТЫ И ИДЕНТИЧНОСТЬ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ ТЕОРИИ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО РАСПАДА В СОВРЕМЕННЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ*

В статье анализируются методологические возможности разрабатываемой автором теории институционального распада в современных социальных исследованиях. В неоинституционализме одной из основных теоретических проблем является необходимость концептуализации трансформации институтов. Автор подчеркивает, что институты предписывают социальным агентам допустимое и / или недопустимое поведение, а институциональный распад является результатом градуалистской эволюции правил. Концепция институционального распада объясняет, как «внутренняя» трансформация правил поведения влияет на развитие идентичности. Идентичность подчинена институциональной логике «императива оправдания». Облегчая следование нормам, которые для внешнего наблюдателя могут выглядеть неэффективными, рискованными или иррациональными, идентичность позволяет социальным агентам принимать решения с минимальными издержками на обдумывание. Идентичность минимизирует институциональные издержки на выбор нужного правила бихевиорального реагирования и адаптации к изменившимся условиям социальной среды. Автор делает вывод об определенном методологическом потенциале использования концепции институционального распада в социальных исследованиях.

Ключевые слова: *этничность, неоинституционализм, институты, этногенез, институциональный распад, институциональные исключения.*

* Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ №13-06-00834 «Социокультурная динамика воспроизводства этноидентичностей в локальных сообществах: социальная диагностика и институциональное моделирование» (2013-2015).

Барбашин Максим Юрьевич — доктор социологических наук, заведующий сектором, Южнороссийский филиал Института социологии РАН (barbm@yandex.ru)

Barbashin Maxim — Doctor of Sociology, Head of Sector, South Russian Branch of the Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences (barbm@yandex.ru)

В неоинституционализме одной из не решенных до сих пор теоретических проблем является необходимость концептуализации социальной трансформации институтов. Предложенная в предыдущих работах теория институционального распада уже использовалась для объяснения неустойчивости институтов и их трансформации от сложных социальных форм к простым структурам в этносоциальной среде (Барбашин 2012d: 7–14), социальных процессов этнокультурных заимствований (Барбашин 2012с: 5–10), модернизационных паттернов (Барбашин 2012b: 30–39), социальной адаптации традиционных народов к глобальным вызовам (Барбашин 2011b: 38–48), формирования и развития политических форм современной демократии (Барбашин 2011a), появления новых норм и правил в сфере высшего образования (Барбашин 2013a: 151–159), социальных процессов классообразования (Барбашин 2013с: 17–24) и др.

Если концептуализировать институциональное содержание сформулированных теоретических положений из проведенных социологических исследований, можно сделать вывод: институты предписывают социальным агентам допустимое и / или недопустимое поведение, а институциональный распад является результатом градуалистской эволюции норм и правил.

В современной социологии институтов «институциональный распад» редко концептуализируется. В существующих определениях доминирует негативная коннотация, которая обычно сводится к упоминанию о «... дезинтеграции институтов, не выполняющих задач, для которых они созданы, ослаблении механизмов формального и неформального контроля, неустойчивости критериев оценок, появлении образцов поведения, противоречащих образцам, признанным допустимыми» (Щепаньский 1969: 202).

Западные неоинституционалисты (Scott 1987: 93–111) процессы институционального распада в условиях дихотомии «норма / исключение» называют «деинституционализацией». Социальная повседневность способствует энтропийному распаду устойчивых институциональных конфигураций. Деинституционализация — это процессы ослабления, модификации, постепенного исчезновения и / или замены одних институтов другими. Выделяя три причины деинституционализации (функциональная, политическая и социальная) как изменения трех видов предпочтений социальных агентов (Oliver 1992: 563–588), неоинституционалисты подчеркивают, что деинституционализация — это нормальный социальный процесс (Zucker 1977: 726–743), который связан не только с постепенным общественным осознанием того, что существующие институциональные паттерны неэффективны, но и с развитием альтернативной институциональной логики и ростом количества агентов, нарушающих нормы.

Для понимания институциональных процессов, которые в целом носят реверсивный характер, важной является работа Э. Остром и С. Кроуфорд (Ostrom, Crawford 2005: 137–74). Американские социологи четко дифференцировали конвенции (которые они называют «стратегиями»), нормы и правила. В их понимании конвенции — это особые социальные инструкции, описательные утверждения, предусматривающие нейминг и конкретизацию ситуаций, действий и субъектов. Например, общей конвенцией является предписание: «в случае обрыва телефонной связи перезванивает тот, кто звонил». При переходе от

конвенции к норме появляется элемент долженствования, связанный с появлением важной оговорки «если». Норма носит условно-обязательный характер, который обеспечивается деонтологическими операторами, выражающими три четких модальных состояния (запрет, требование, разрешение)*.

Наиболее сложным институциональным элементом является правило, предусматривающее санкционирование нарушений посредством возникновение еще одной оговорки — «иначе». Правило подразумевает необходимость создания системы институционального мониторинга и контроля, а также наказания провинившихся социальных агентов (Капелюшников: 2010: 12–15).

Самой простой и устойчивой формой организации социальной материи является конвенция. Как указывают современные неинституционалисты, «конвенция — это в основном термин для перцепции части игроков группы о том, как должны играть остальные» (Miller 1990: 343–344). Как молекула водорода, состоящая из двух атомов, конвенция основывается на конвенциональности (ординарности) и распространенности. Норма основывается уже на трех элементах: конвенциональность, распространенность и кондициональность, подразумевающая наличие одного или нескольких условий следования. Правило содержит четыре институциональных элемента, которые в дополнение к вышперечисленным компонентам включают социальное принуждение.

Институциональная эволюция социальных правил связана с симплификацией институциональных элементов условий и принуждений. Конвенция является результатом обратной институциональной эволюции подробных правил, предписывающих, где, что, когда, при каких условиях делать, и с какими возможными санкциями может столкнуться социальный агент, в практически декларативные утверждения, которым следуют исключительно из-за их распространенности и всеобщего удобства. Внешние механизмы общественного и / или государственного принуждения конвенционализация заменяет внутренними институциональными паттернами. Конвенционализация снижает транзакционные издержки: «злоупотребление и растрачивание ценного ресурса происходит, когда издержки измерения и принуждения превышают потенциальные выгоды от ограничения доступа к нему» (Eggertson 1991: 169).

Конвенционализация как перцептивизация и рутинизация институтов, говоря словами американских исследователей (Isaac, Walker 1988: 585), придает значение миру социальных интеракций и проводит границы, отделяющие социальный порядок от хаотической непредсказуемости. Снижая непредсказуемость социальных транзакций, конвенциональные «институциональные правила обеспечивают нас информацией об ожидаемых действиях других, и в этом отношении ограничивают наш выбор. ... [Институты являются] способностью находить надежный способ по оказанию воздействия на ожидания других... и принуждать других действовать противоположно их неограниченным предпочтениям...» (Knight 1992: 43–45).

* Э. Остром подробно рассматривает проблему деонтологических операторов, определяющих правило (Остром 2011: 267–268).

Конвенциональность подразумевает одинаковое отношение к одинаковым ситуациям. «То есть я следую правилу, если и только если я отношусь ко всем случаям, попадающим под данное правило так, как оно диктует, чтобы я относился» (Ingram, Nee 1998: 19). Социальный агент знает, что другие знают правила, знают о всеобщем понимании правил и институциональных особенностях потенциальных нарушений, а также о возможном социальном неодобрении. Конвенциональность поддерживает общественное рутинизированное репродуктивное, а не инновационное, облегчая социализацию новых социальных субъектов, увеличивая социальное и нормативное сцепление и бихевиоральную, когнитивную и атрибуционную схожесть членов группы.

Институциональная гетерогенность правил предопределяет институциональный распад. Как адвокаты, которые используют ситуационную вариативность, потенциальную возможность переоценки и стараются «защепиться» за любую двусмысленность, предоставляемую нечеткими и размытыми нормативными формулировками, социальные агенты, расширяя круг «смягчающих» обстоятельств неисполнения правила, часто выбирают нормы, которые могут восприниматься большинством как отклонения от общепризнанного бихевиорального стандарта или даже девиации.

«Характеристикой неопределенных ситуаций служит множественность наименований. Они беспокойные, волнующие, двусмысленные, запутанные, полные противоречивых тенденций, смутные и т. п.» (Dewey 1991: 56). Постепенный рост числа девиантных норм расширяет сферу нормативной допустимости и заставляет переоценить общепринятые традиции социального поведения. Возникает сначала ситуационная, а затем категориальная идентификационная девиантность. В поведении, а затем в самосознании появляются дислокационные разрывы с доминирующими институтами. Дефолтные правила, первоначально присутствующие в институциональной решетке идентичности в несколько хаотическом виде, объединяются в общественном сознании в субгрупповую девиантизированность, что может привести к образованию субгрупп. Ряд современных субкультур — байкеры (Томпсон 2001), рейсеры, граффитисты, неформалы и др. — построены на положительном отношении к нормам, которые социум в целом воспринимает как девиантные.

Потенциальная возможность девиантного институционального творчества заставляет социум регулировать институциональное пространство (в роли регулятора могут выступать как государство, так и само сообщество), изменяя соответствующую степень вертикального проникновения в повседневную жизнь индивида, устанавливая правила, стоит ли проводить мониторинг соблюдения норм, и если стоит, то с какой степенью жесткости наказывать нарушителей и пр.

Идентичность многих субкультурных групп основывается на предпочтении девиантных норм, которые в конвенциональном отношении являются институциональными исключениями. Они носят если не девиантный, то погранично-девиантный характер и могут толковаться и как оппортунистское нарушение институциональных обязательств конкретного социального агента перед другими агентами и / или всем сообществом, и как творческая конкретизация пер-

воначального института, следование его «духу», а не «букве». Значение имеет не только то, как и когда применяется институциональное исключение в социальных интеракциях, но и то, кто конкретно это делает. Р. де Ври показал, что наиболее успешные реформы осуществлялись носителями социальной роли «простаков», которая институционально определяется как роль шута при дворе или антигероя (Runes de Vries 1990).

Нобелевский лауреат Дж. Акерлоф подчеркивает, что первые инноваторы часто являются маргиналами «с необычным вкусом», поскольку они «проявляют столь сильный неконформизм к нормам, что рассматриваются как девиантные» (Акерлоф 1994: 91–104). У социальных аутсайдеров изначально низкий социальный статус в рамках сообщества, в котором они проживают или с которым активно взаимодействуют. Потенциальная опасность девиантизации из-за применения новых правил для них является неочевидной. Маргинальный статус позволяет индивидам без опасений усиления неблагоприятного социального давления экспериментировать с институтами, которые для остального сообщества являются трудно применимыми или даже запретными в повседневных интеракциях.

Конструирование новых правил сопровождается осознанным и целенаправленным нарушением привычных норм. Институциональные новаторы рассматривают правила как спорную границу, которую можно или даже желательно перейти. Часто «преимущество первого хода» (Боулз 2011: 16) позволяет «первым адаптирующимся» добиваться успеха по сравнению с остальной частью социума. Их последователи копируют институт через социальные сети коммуникаций, чтобы также получить доступ к экономическим и социальным ресурсам.

По мнению У. Пагано (Pagano 2001), появление новых институтов напоминает возникновение новых биологических видов: оно требует комбинации большого количества эволюционных изменений и ресурсов. Социальные институты трансформируются, модифицируются, редактируются, транслируются и соединяются с другими нормами и правилами их носителями, которые пытаются диагностировать, интерпретировать и предложить различные решения существующих проблем, создавая новый смысл и новые значимые образцы социального поведения в различных ситуациях.

В современном обществе границы нарушения институтов становятся более неопределенными и амбивалентными, а нормативное поведение все больше представляет собой ситуационную производную. Институциональные исключения — это особые нормы, применение которых в повседневных интеракциях ограничено ситуационной интерпретацией социальных агентов. Как бинарные «зеркальные» отражения институтов, обязательно предполагающие существование своеобразных «прародителей», институциональные исключения структурируются в осознанной оппозиции: ситуационное толкование заменяет первоначальный смысл нормы на отличающееся или даже прямо противоположное значение. «Смягчающие» обстоятельства постепенно расширяются, пока точное исполнение институтов, первоначально воспринимаемых как норма, не становится фактически исключением.

Прежние институты не соблюдаются, когда лояльность к ним становится автономной, ситуационной и дискретной. Когда существование новых институтов объясняется историческими причинами, то ссылки на институциональные исключения становятся не ситуационными или конвенциональными с точки зрения повседневного удобства и рационализированного использования, а культурными и идентификационными. Институциональные девиации нормализуются и становятся приемлемыми.

Институциональный распад обеспечивает групповую динамику, развитие и распад групповой идентичности. Потенциальная энергия существующих деформаций трансформируется в новые институциональные паттерны. Новая идентичность временно останавливает перманентный процесс девиантизации пространства повседневных интеракций.

По мнению А. Стинчкомба (Stinchcombe 1997: 1–18), институты содержат важную моральную основу: они не могут существовать без наличия хотя бы у некоторых социальных агентов обеспокоенности по поводу их соблюдения и / или возможного нарушения. Социальным агентам важно, чтобы нарушения норм и правил были морально обоснованными и ситуационно оправданными. Идентичность возникает как социально-когнитивный выход из ситуации институциональной неопределенности, когда социальный агент должен одновременно и следовать правилам, и нарушать, по крайней мере, некоторых из них.

Исследования в социальной когнитологии показывают: когда индивид сталкивается с двумя противоположными стимулами, в сознании формируется когнитивный диссонанс. Люди испытывают дискомфорт и беспокойство от любой когнитивной непоследовательности. Понимание несовместимости двух знаний буквально «разрывает» человека на части, стремящиеся в противоположные стороны.

«Двойственная» мораль, когда нужно выбрать из двух в целом альтернативных норм поведения (использовать ли этнический язык в интеракциях внутри сообщества или прибегнуть к более распространенному *lingua franca*, использовать ли ритуалы традиционной свадьбы или применить обряды современного бракосочетания и пр.), создает сильное социально-психологическое давление. Оно вынуждает индивидов использовать институциональную мимирию от внешнего социального контроля.

Поведение, выгодное для сохранения социальной группы, но невыгодное с точки зрения рациональных интересов отдельных людей, развивается, только если оно является ключевым критерием идентичности индивида (Gintis, Smith, Bowles 2002: 103–109). В условиях жесткой когнитивной и аксиологической дихотомии между необходимостью соблюдать институты в соответствии с доминирующими социальными ожиданиями и прагматическим предпочтением ситуационных институциональных исключений именно идентичность (к примеру, этническая: см. Барбашин 2013b) позволяет изменить логику институционального позиционирования, обеспечивая наибольшую степень моральной оправданности социальных девиаций перед социумом в целом.

Девиантизация примиряет индивидуальное сознание с не вполне правильными, эффективными и разрушенными институциональными практика-

ми. Формирование субгрупп «сбрасывает» прежние внутригрупповые девиации, а также социальные обязательства индивида. Новая идентичность позволяет на вполне оправданных в общественном сознании конвенциональных основаниях не соблюдать традиции, нормы и правила «бывшей» группы. Обнуление девиационного «хвоста» и груза прошлой истории группы, избавление от институциональных шероховатостей, «нулевых», т. е. неработающих институтов и пр. очищает бихевиориальное пространство и обеспечивает постоянное институциональное развитие.

Схожие институциональные паттерны создают общее социализирующее пространство, побуждающее социальных агентов адаптироваться. Гомогенность институционального пространства обеспечивает низкие издержки на внутригрупповые механизмы контроля и санкционирования: если нормы поведения примерно одинаковы, любые значимые девиации во внешнем виде, использовании языка, культурных традиций и т. п. будут тут же замечены заинтересованными инсайдерами. «Часть научения через опыт — это то, что происходит, когда что-то происходит не так. В любом практическом деле всегда что-то происходит не так. Люди могут не получить одну и ту же информацию о совместных целях, процессах, которым нужно следовать, и как один процесс переходит в другой. Некоторые могут исполнять свои обязательства, тогда как у других это не получится. Некоторые захотят интерпретировать правила таким образом, что это нанесет вред интересам других. Простого согласия по поводу набора правил редко достаточно. Определение того, как именно эти правила будут действовать в реальности, требует времени. Если люди, которые учат, как использовать набор этих правил, не доверяют друг другу, необходимы дальнейшие вложения в экстенсивный мониторинг. Нужно создать соответствующие санкции для не подчиняющихся агентов. Нужно определить и обсудить условия, при которых возможны исключения из правил, не подвергающие опасности основные структурные принципы. Если будут происходить конфликты по поводу регулирования и интерпретации правил и если нет никаких средств для разрешения конфликтов, процесс создания социального капитала может разрушиться задолго до своего завершения ...» (Ostrom 1992: 140–141).

Институциональная гомогенность понижает естественную склонность индивидов к оппортунизму рациональным ожиданием получения отдачи от долговременных «инвестиций» в группу. Как только институциональное пространство перестает быть гомогенным, имплицитные контрактные обязательства у членов сообщества по сохранению институтов культуры, языка, социализации и пр. фактически разрушаются. «Засорение» монолитного институционального пространства другими паттернами поведения усложняет идентификационный выбор и заставляет социальных субъектов селекционировать институциональные практики.

Методологическое использование концепции институционального распада в социальных исследованиях достаточно перспективно. Концепция объясняет, каким образом индивиды участвуют в жизни социума, реализуя оппортунистические планы, не становясь социальными аутсайдерами и маргиналами: обеспечивая большую гибкость для социальных агентов, институциональный

распад и появляющиеся институциональные исключения создают нормативную основу для инноваций, большая часть из которых в противном случае была бы девиантной и неприемлемой для общественного сознания. По мнению Роджерса Е. (Rogers 1995), индивиды принимают инновации, если немного поэкспериментировали с ними. Американский социолог называет инновационное качество «испытательностью», т. е. «степенью, с которой с инновациями можно экспериментировать на ограниченной основе». Этноинституты (Барбашин 2012а; Барков, Сериков 2014: 129), к примеру, обладают высокой степенью испытательности, в отличие от жестких технологических стандартов и профессиональных правил.

Концепция институционального распада объясняет, как «внутренняя» трансформация правил поведения влияет на тангенциальные социальные процессы, в том числе на развитие идентичности. Идентичность подчинена институциональной логике «императива оправдания». Облегчая следование нормам, которые для внешнего наблюдателя могут выглядеть неэффективными, рискованными или нерациональными, идентичность позволяет социальным агентам принимать решения из «общих соображений», без четких рациональных расчетов правильности того или иного действия. Во многих социальных ситуациях проще следовать установленным правилам, чем их изменять (Stern 1995: 217–235). Говоря языком неoinституционализма, идентичность минимизирует институциональные издержки на выбор нужного правила бихевиорального реагирования и адаптации к изменившимся условиям социальной среды.

Идентичность появляется как побочный результат трансформации правил. Институциональная эволюция занимает много времени, и каждое предшествующее правило лишь немного отличается от предыдущего. Это естественный результат агрегирования пристрастий, выборов и предпочтений множества слабо связанных или даже не зависимых между собой субъектов, интерпретации которых создают экстермальность по отношению друг к другу. У этого процесса нет конструктора, нет архитектора и нет централизованного планирования.

Нобелевский лауреат Гербер Саймон (Simon 1999: 23–39) однажды сравнил взаимоотношения между экономической теорией и другими социальными науками с «потлачем»: научные дисциплины постоянно обмениваются между собой своеобразными «подарками». Однако современный обмен запаздывает: неoinституционалистам явно не хватает профессиональных знаний в области теории идентичности. Фундаментальная методологическая ошибка состоит в том, что институтам придается непропорционально большое значение в отрыве от идентификационных вопросов. Созданные до настоящего времени теоретические разработки недостаточны (Федотова 2012), а в экономических работах подобные исследования и вовсе практически отсутствуют (Akerlof, Kranton 2000: 715–753).

Идентичность является центральным компонентом в объяснении социального поведения. Институциональная амбивалентность — это триггер развития идентичности, которая, в свою очередь, фреймирует мотивы и рациональность транзакций в условиях доминирования в социальном пространстве неопределенных и / или примерно равноценных предпочтений. Ограниченность рацио-

нальности определяется идентификационными предпочтениями не в меньшей степени, чем когнитивными рамками индивидуального сознания и / или психологическими ограничениями в принятии решений в условиях неопределенности (Канеман, Словик, Тверски 2005).

Экономическую систему необходимо рассматривать во взаимосвязи с развитием не только институциональных, но и идентификационных процессов и с учетом того, что идентичность по своей социальной природе является неустойчивым образованием, а правила поведения подвержены институциональному распаду.

Высказанные в настоящей работе гипотезы еще ждут эмпирической проверки. Вполне вероятно, что отдельные положения предлагаемой концепции будут пересмотрены или от них вовсе придется отказаться. Однако уже можно с уверенностью говорить о наличии бинарной корреляционной связи: как идентичность обладает институциональным содержанием, поскольку идентификационное позиционирование невозможно в отрыве от правил поведения, выбор оптимальных из множества которых в условиях неопределенности является когнитивно сложным и затратным, так и трансформационный распад институциональных паттернов, используемых в повседневных транзакциях, предопределяют соответствующие изменения в идентичности социальных агентов.

Литература

- Акерлоф Дж.* Рынок «лимонов»: неопределенность качества и рыночный механизм // THESIS, 1994, 5, с. 91–104.
- Барбашин М.Ю.* Институциональная демократия и социальные дилеммы: опыт постсоветских трансформаций. Saarbrucken, Germany: LAP Lambert Academic Publishing, 2011a.
- Барбашин М.Ю.* Процессы институциональной адаптации традиционных народов: методологические аспекты // Сб. научных трудов Международной научной конференции «Мирный Кавказ как фактор развития региона». Степанакерт: Изд-во Университета Месроп Маштоц, 2011b, с. 38–48.
- Барбашин М.Ю.* Воспроизводство этногенеза в локальных сообществах: теоретическая модель и российские институциональные практики. Диссертация на соискание ученой степени доктора социологических наук. Ростов-на-Дону: ЮФУ, 2012a.
- Барбашин М.Ю.* Институциональная модернизация в современном российском социуме // Российское общество: проблемы идентичности и формирования гражданских институтов. Материалы Пятой школы молодого социолога. Ростов-на-Дону: ЮФУ, 2012b, с. 30–39.
- Барбашин М.Ю.* Институциональный механизм этнокультурных заимствований // Вопросы культурологии, 2012c, 12 (декабрь), с. 5–10.
- Барбашин М.Ю.* Социальные процессы институционального распада в этногенезе // Социально-гуманитарные знания, 2012d, 7, с. 7–14.
- Барбашин М.Ю.* Институты высшего образования и социальные дилеммы (компаративный анализ российской и американской образовательной систем) // Педагогика и просвещение, 2013a, 2(10), с. 151–158.
- Барбашин М.Ю.* Институты и этногенез: институциональное воспроизводство этнической идентичности в локальных сообществах. 2-е изд. расшир. и доп. Ростов-на-Дону: ИПОПИ ЮФУ, 2013b.

Барбашин М.Ю. Институциональные процессы формирования креативного класса в советский и постсоветский периоды // Актуальные проблемы науки Юга России и Армении: поиск и решения. Ереван: Амарас, 2013с, с. 17–24.

Барков Ф.А., Сериков А.В. Этноинституциональные факторы межэтнических отношений в контексте миграционных процессов в Ростовской области // Гуманитарий Юга России, 2014, 3.

Боулз С. Микроэкономика. Поведение, институты и эволюция. М: Изд-во «Дело», 2011.

Канеман Д., Словик П., Тверски А. Принятие решений в условиях неопределенности: правила и предубеждения. Харьков: Издательство Института прикладной психологии «Гуманитарный центр», 2005.

Капелюшников Р.Н. Множественность институциональных миров: Нобелевская премия по экономике — 2009 // Экономический журнал ВШЭ, 2010, 1, с. 12–15.

Остром Э. Управление общим: эволюция институтов коллективной деятельности. М: Мысль, 2011.

Томпсон Х. Ангелы Ада. М: Гудьял-Пресс, 2001.

Федотова Н.Н. Роль идентичности для развития экономики и модернизации // Философия и культура, 2012, 10, с. 76–86.

Щепаньский Я. Элементарные понятия социологии. М: Прогресс, 1969.

Akerlof G.A., Kranton R.E. Economics and Identity, *Quarterly Journal of Economics*, 2000, 115(3), pp. 715–753.

Dewey J. *The Public and its Problems*. Athens: Ohio University Press, 1991.

Eggertsson T. *Analyzing Institutional Successes and Failures: A Millennium of Common Mountain Pastures in Iceland*, Working Paper, Departments of Economics, University of Iceland, 1991.

Gintis H., Smith E.A., Bowles S. Costly Signaling and Cooperation, *Journal of Theoretical Biology*, 2002, 213, 1, pp. 103–109.

Ingram R., Nee V. Embeddedness and Beyond: Institutions, Exchange and Social Structure, in: Brinton M., Nee V. (eds.) *The New Institutionalism in Sociology*, N.Y.: Russell Sage Foundation, 1998, pp. 19–45.

Isaac R.M., Walker J. Communication and Free-Riding Behavior: The Voluntary Contribution Mechanism, *Economic Inquiry*, 1988, 26 (October), pp. 585–608.

Knight J. *Institutions and Social Conflict*, New York: Cambridge University Press, 1992, pp. 43–45.

Miller G.M. Managerial Dilemmas: Political Leadership in Hierarchies in: Cook K. and Levi M. eds. *The Limits of Rationality*, Chicago: University of Chicago Press, 1990, pp. 343–344.

Oliver C. The Antecedents of Deinstitutionalization, *Organization Studies*, 1992, 13, pp. 563–588.

Ostrom E. *Crafting Institutions for Self-Governing Irrigation Systems*. San Francisco, CA: ICS Press, 1992, pp. 140–141.

Ostrom E., Crawford S.E.S. A Grammar of Institutions, in: *Understanding Institutional Diversity*, ed. E. Ostrom. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2005, pp. 137–74.

Pagano U. Property Rights, Asset Specificity and the Division of Labor under Alternative Capitalist Relations, *Cambridge Journal of Economics*, 2001, 15, 3, pp. 315–42.

Rogers E.M. *Diffusion of Innovations*. 4thed. New York: Free Press, 1995.

Runes de Vries M.F.R. The Organizational Fool: Balancing a Leader's Hubris, *Human Relations*, 1990, 43(8).

Научные сообщения

Simon H.A. The Many Shapes of Knowledge, *Revue d'Economie Industrielle*, 1999, 88, pp. 23–39.

Scott R.W. The Adolescence of Institutional Theory, *Administrative Science Quarterly*, 1987, 32, pp. 93–111.

Stern P. Why Do People Sacrifice for their Nations?, *Political Psychology*, 1995, 16(2), pp. 217–235.

Stinchcombe A.L. On the Virtues of the Old Institutionalism, *Annual Review of Sociology*, 1997, 23, pp. 1–18.

Zucker L.G. The Role of Institutionalization in Cultural Persistence, *American Sociological Review*, 1977, 42, pp. 726–743.